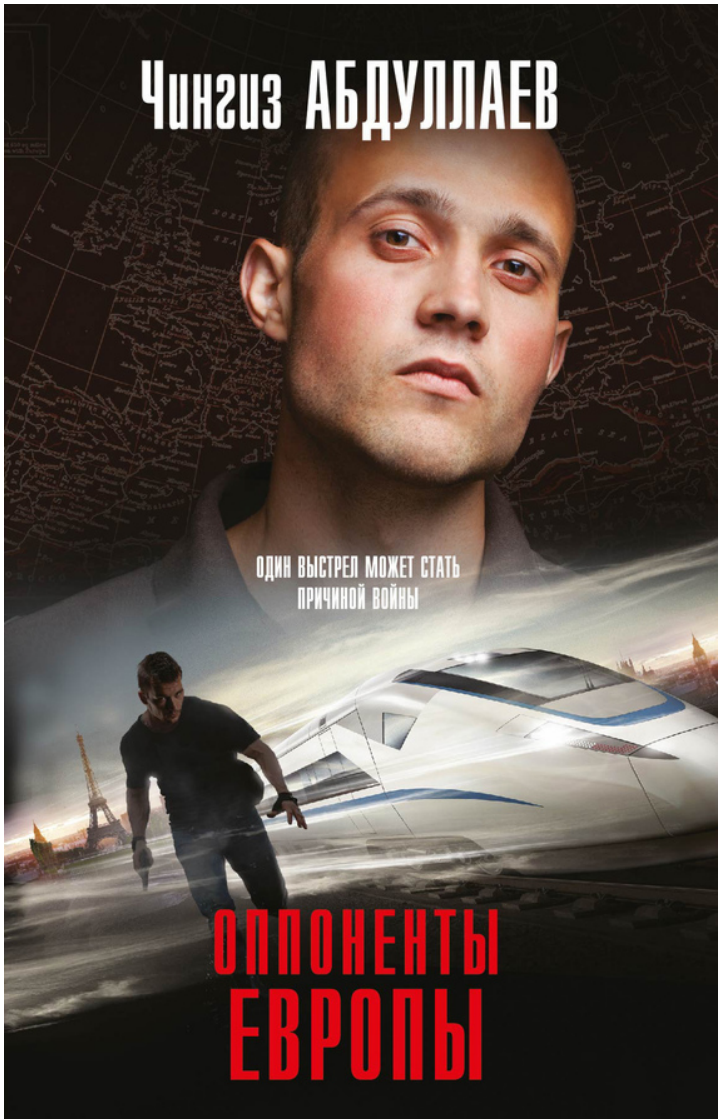

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ОДИН ВЫСТРЕЛ МОЖЕТ СТАТЬ
ПРИЧИНОЙ ВОЙНЫ

**ОППОНЕНТЫ
ЕВРОПЫ**

Чингиз Акифович Абдуллаев

Оппоненты Европы

Серия «Дронго»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5314521

Чингиз Абдуллаев. Оппоненты Европы: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63606-8

Аннотация

Частный детектив Дронго приглашен на международную политическую конференцию в бельгийский город Брюгге. Он и еще несколько высокопоставленных гостей решают ехать поездом. Сразу после отправления в вагоне первого класса происходит убийство, убит турецкий посол – один из участников конференции. Понятно, что преступление совершено одним из пассажиров либо проводником. Но кем именно? Дронго начинает расследование, в его планах – поймать убийцу до прибытия в Бельгию. Вот только сделать это очень непросто, ведь преступник – профессионал, и он не сидит сложа руки в ожидании разоблачения...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Чингиз Абдуллаев

Оппоненты Европы

Когда-нибудь, когда не станет нас, точнее – после нас, на нашем месте возникнет тоже что-нибудь такое, чему любой, кто знал нас, ужаснется. Но знавших нас не будет слишком много.

Иосиф Бродский

В реальности существуют только три самых верных друга – старая книга, старая собака и наличные деньги.

Бенджамен Франклин

Глава 1

Он терпеливо ждал на площади королевы Астрид, прогуливаясь рядом со зданием музея, когда к нему подошел мужчина среднего роста в черном пальто и черной шляпе, которые носят обычно ортодоксальные евреи. Характерные пейсы и седая борода не оставляли никаких сомнений. Мужчина подошел ближе, улыбнулся и протянул руку ожидавшему его гостю, приветливо начав по-английски:

– Мне приятно приветствовать вас в нашем Антверпене, господин Дронго.

– Я тоже рад вас видеть, господин Зингерман, – ответил гость. Он был высокого роста. Запоминающееся лицо, внимательные глаза, большой выпуклый лоб, широкие плечи.

– Были в музее? – спросил Зингерман, показывая на здание за спиной гостя. Это был известный на весь мир Музей бриллиантов, который посещал почти каждый гость, прибывающий в этот город. До восьмидесяти пяти процентов всех бриллиантов проходили через руки мастеров Антверпена, который справедливо считался мировым ювелирным центром.

– Еще раз зашел, – признался Дронго, – я и раньше приезжал в ваш чудесный город. И мне вообще нравится посещать ваш музей. Искусство старых мастеров всегда поражает...

– Если бы вы знали, какие мастера были до войны, – вздохнул Зингерман, – мне рассказывал о них мой дедушка. Они успели буквально перед приходом немцев сбежать в Англию на небольшой яхте, которой владела наша семья, и поэтому спаслись. Здесь были настоящие волшебники, потомственные ювелиры в пятом и шестом поколениях. К сожалению, многих уничтожили пришедшие сюда нацисты. Но многие и уцелели, успев эвакуироваться или просто сбежать. После войны семьи начали возвращаться, чтобы снова поселиться в Антверпене. Но это были уже совсем другие мастера. Даже из тех, кто эмигрировал и снова вернулся. Исчезла неповторимая аура старого города...

– Я вас понимаю, – кивнул Дронго.

– Мы вернулись только в сорок восьмом, – продолжал Зингерман, – мне было тогда всего восемь лет. Но я прекрасно помню, как мой дед тосковал без своего родного города, в котором жили восемь поколений его предков. Восемь поколений, господин Дронго, – подчеркнул ювелир, – и это больше двухсот пятидесяти лет. Мои предки поселились в этом благословенном городе еще в конце семнадцатого века, переехав сюда из Амстердама.

– Именно поэтому вы считаетесь одним из самых опытных ювелиров этого города, – заметил Дронго.

– Не только я один, – усмехнулся Зингерман, – нас четверо двоюродных братьев, у которых есть свои магазины в Антверпене, Амстердаме, Париже и Цюрихе. Хотя наша семья всегда помнит о том, что один из наших братьев был ограблен в Париже на крупную сумму.

– Грабителя нашли?

– Мы точно знаем, кто это был, – загадочно произнес ювелир, – но он до сих пор не арестован, хотя тогда унесли ценностей на довольно большую сумму. Особенно если пересчитать в деньгах по сегодняшнему курсу.

– И кто был этим грабителем? – поинтересовался Дронго.

– Вы, – ответил Зингерман, – вы тогда ограбили магазин моего кузена в Париже. И это было одно из самых шумевших ограблений в мире.

– У меня другой жанр, – рассмеялся Дронго, – несколько иная профессия. Я обычно ищу грабителей...

– Я знаю, чем вы занимаетесь, – добродушно возразил ювелир, – но именно тогда старший брат моего отца открыл довольно большой магазин в Париже, которым руководил его сын, мой кузен. И именно вы его и ограбили...

Дронго понял, о чем именно говорит ювелир.

– Значит, это был магазин вашего кузена?

– Да, – кивнул Зингерман, – как видите, у нашей семьи есть личные счета с вами.

Оба рассмеялись.

– Вы провели тогда неслыханный трюк, – продолжал ювелир. – Узнали фамилию комиссара полиции, который курировал этот парижский район, и позвонили от его имени нашему родственнику, пояснив, что сейчас приедут грабители, которые находятся под контролем полиции. И вы не рекомендуете оказывать сопротивления грабителям, так как при выходе из магазина преступники будут арестованы с полици-
ным.

– Комиссар Барианни, – вспомнил Дронго, – все так и было. Мы позвонили вашему родственнику и попросили его помочь нам в задержании особо опасных преступников. Чтобы он и его охрана не оказывали особого сопротивления. Просили помочь полиции задержать преступников. Потом мы вошли в магазин, взяли ценности и ушли под довольный смех вашего родственника и сотрудников его магазина, которые с удовольствием выдали нам ценности, предвкушая момент, когда нас арестуют на улице. А потом они следили за

тем, как мы уезжаем. Кстати, он и его люди ждали довольно долго, минут двадцать, пока не поняли, что их просто разыграли.

– Но как вам удался подобный трюк? – поинтересовался Зингерман. – Насколько я понял, вы почти не владеете французским.

– Нет, – хитро улыбнулся Дронго, – действительно не владею. Но нас было двое. Я и мой французский друг, переводчик, с которым я обычно работал. По моему предложению он позвонил в полицию и узнал имя комиссара. А потом от его имени позвонил ювелиру, рассказал о якобы готовящейся засаде. Мы выбрали новый магазин, где хозяином был приехавший из Бельгии ювелир, который не сумел бы достаточно точно отличить голос настоящего комиссара от голоса моего переводчика. И самое главное, что нас было двое. Но в отчете Интерполу я не стал упоминать о переводчике, чтобы не подводить его, ведь по французским законам он совершил самое настоящее мошенничество. Его могли привлечь к уголовной ответственности и за обычный грабеж. Поэтому я не стал упоминать о его помощи. А мою изобретательность тогда особо отметили. Кстати, разве ценности ему не вернули?

– Вернули через месяц. Но в истории нашей семьи это был особый случай. Зингерманы обычно не поддаются на подобные провокации.

– Больше я подобных «трюков» не делал, – признался Дронго, – наоборот, обычно искал преступников, которые

грабят ювелиров.

– Об этом я знаю, – ответил Зингерман, – именно поэтому хотел лично встретиться с вами, чтобы поблагодарить за вашу помощь нашей семье в Кейптауне. Вы очень хорошо поработали, господин эксперт. И наша фирма предложила мне встретиться с вами и выразить благодарность в любой удобной для вас форме.

– Я уже получил гонорар, – напомнил Дронго, – я считаю, что это нормальная форма взаимоотношений. И не будем больше говорить об особой форме благодарности. Это неправильно и даже унижительно. Профессионализм как раз и заключается в том, что вам платят за вашу хорошую работу, если она действительно хорошая.

– Спасибо. В любом случае мы собирались особо отметить вашу работу. Вы всегда можете на нас рассчитывать.

– Спасибо за ваше предложение. Я буду иметь его в виду.

– А вы сами возвращаетесь в Италию? Или собираетесь куда-нибудь в другое место?

– Я еду в Брюгге, – ответил Дронго, – там будет конференция, и я в числе приглашенных.

– Прекрасно, – обрадовался Зингерман, – как раз там мы вас и найдем. Там будет и наш представитель. Позвольте мне еще раз поблагодарить вас и пожелать вам счастливого пути. Машина вам нужна? Как вы собираетесь добираться до Брюгге?

– На поезде, – показал Дронго в сторону вокзала, – на-

сколько я помню, отсюда чуть больше часа до Брюгге на вашем экспрессе.

– Верно, – согласился Зингерман, – я сам предпочитаю поезда. Удобно и быстро. В таком случае позвольте вас еще раз поблагодарить и пожелать счастливого пути. Хотя нет. Давайте сделаем иначе. У меня есть немного времени, и я провожу вас до вокзала. Заодно вы расскажете мне все подробности вашего расследования в Кейптауне.

– Договорились, – согласился Дронго, – пойдёмте вместе.

– А где ваш багаж?

– На вокзале. Я решил, что мне будет неудобно катить за собой свой чемодан. Или ходить с ним в музей. Он в камере хранения.

Зингерман понимающе кивнул, и они повернули в сторону вокзала. Идти было совсем недалеко. Вокзал находился на другой стороне площади. Зингерман внимательно слушал эксперта, не перебивая его, и лишь дважды уточнил некоторые детали состоявшегося расследования. Они почти дошли до вокзала. Дронго тепло попрощался с ювелиром и пошел доставать свой багаж. Из соседней ячейки небольшой чемодан доставала миловидная молодая женщина лет тридцати. Она мельком взглянула на Дронго и отвернулась. Тонкие губы, чуть удлиненный нос, светлые глаза. Незнакомка была шатенкой. И очевидно, натуральной. У нее позвонил телефон, и она достала его из сумочки. Быстро ответив, убрала телефон обратно. Дронго набрал код, открыл дверцу и за-

брал свой чемодан, она вытащила свой. И оба почти одновременно захлопнули дверцы своих отсеков. После чего взглянули друг на друга и отошли в разные стороны.

Он пошел к своему вагону, когда услышал за спиной недовольные голоса. Мужчина и женщина громко спорили по-русски.

– Я много раз говорил тебе, Эльвина, что это невозможно, – нервно произнес мужчина, – и ты каждый раз настаиваешь с такой эмоциональностью и напором, словно речь идет о твоей жизни. Неужели непонятно, что это просто невозможно.

– Если бы ты был более внимательным и настойчивым, то все могло бы повернуться иначе, – возражала дама.

– Нам нужно ехать именно сегодня, и именно в этом вагоне, – напомнил мужчина, – я тебе уже сто раз объяснял.

– Можно было встретиться уже в самом Брюгге. Или в другом месте, – раздраженно повторяла женщина.

Они прошли близко, едва не касаясь Дронго. Обоим было лет под пятьдесят. Плотные, упитанные, с похожими круглыми лицами, они продолжали ругаться, с трудом поспевая за носильщиком, который толкал тележку с их тремя чемоданами.

У вагона первого класса они остановились. Здесь были двухэтажные вагоны, и женщина нервно потребовала, чтобы их вещи подняли на второй этаж.

– Это неудобно, – возразил мужчина.

– Ты всегда готов спорить, Геннадий, по любому поводу, – разозлилась женщина, – значит, я должна сидеть внизу и ничего не видеть? Тебе нравится меня унижать?

– Нам ехать до Брюгге только один час, – напомнил муж, – ты не понимаешь, что из-за твоей прихоти сейчас чемоданы поднимут на второй этаж, а потом в Брюгге я должен буду сам спускать все три чемодана вниз. Где мы там найдем носильщика? Говорят, что это небольшой город.

– Значит, спустим сами, – громко возразила жена.

– Представляю, как ты будешь спускать по узкой лестнице свой чемодан, – отмахнулся Геннадий, – занеси сюда, – показал он в сторону первого уровня.

– Нет, пусть поднимет наверх, – заупрямилась Эльвина, – ты сам говорил, что нам нужно быть на втором уровне вагона первого класса.

– Я могу подняться туда и без тебя, – сказал Геннадий.

– Когда ты что-то в жизни делаешь без меня, у тебя всегда все получается наперекосы, – ядовито заметила женщина.

– Ну и черт с тобой, – решил муж, – пусть поднимают наверх. Не можешь спокойно посидеть один час. Пусть поднимает...

– Не ори, – потребовала супруга, – мы находимся в Европе, где всегда можно найти тележку и носильщика. Мы не где-нибудь у себя в Мухосранске.

– Дура, – выдавил сквозь зубы супруг.

Дронго терпеливо дождался, пока вещи этой семейной

пары поднимут наверх. Следом за ними туда поднялась милостивая молодая женщина, которую он видел у камеры хранения. У нее были чемоданчик и сумка от известной французской фирмы, уже много лет занимавшейся багажом и ставшей самой известной маркой во всем мире с характерными коричневыми логотипами.

К Дронго подошли еще две незнакомки, которые имели при себе небольшие чемоданчики. Девушки были похожи друг на друга, и казалось, что это сестры. Хотя приглядевшись, можно было понять, что одна из них, в строгих очках и темном элегантном брючном костюме, несколько старше. Ей было чуть больше сорока. Ее спутница была гораздо моложе. Ей было не больше двадцати пяти лет. Одета в джинсы и светлую майку, она казалась даже моложе своих лет. Обе незнакомки о чем-то весело переговаривались, поднимаясь на второй уровень вагона первого класса. Но они говорили достаточно тихо, и он не услышал, на каком языке они общались, хотя ему показалось, что это был один из славянских языков.

– Здравствуйте, господин Дронго, – неожиданно услышал эксперт у себя за спиной и обернулся. Мимо проходил итальянский журналист Элиа Морзоне. Невысокого роста, щедушный, почти не имевший плеч, похожий на извивающуюся гусеницу, Морзоне был одним из тех «разгребателей грязи», которые есть почти в каждой стране. Этот журналист обычно выдавал надуманные сенсации и публиковал

часто клеветнические статьи, сознательно устраивая провокации против известных особ. Именно благодаря подобным журналистам эта профессия стала презируемой и похожей на первую древнейшую. Дронго поморщился, увидев этого журналиста. Он знал репутацию скандалиста и провокатора Морзоне.

– Тоже в Брюгге? – оживленно спросил журналист. – Как это удобно. Я давно хотел сделать с вами интервью.

– К сожалению, я буду там не очень долго, – холодно отрезал Дронго.

– Ничего, – радостно заметил Морзоне, – мы с вами постараемся найти время. Кстати, там будет и Рамас Хмайн. Вы его не знаете, но я вас обязательно познакомлю. Мой коллега из Бирмы. Очень талантливый журналист.

«Наверное, такой же «объективный журналист», как и Морзоне», – подумал Дронго. Ничего не сказав, он повернулся спиной к журналисту. Морзоне не обиделся. Покатив свой чемодан, он поспешил в соседний вагон второго класса.

Дронго пропустил двух женщин, которые поднимались первыми, и, взяв свой чемодан, также поднялся на второй уровень. В дальнем конце вагона уже сидели двое мужчин, один из которых был достаточно известным человеком в Европе. Это был Фредерик Гиттенс, один из еврокомиссаров, представляющих Бельгию в Европарламенте. Ему было около шестидесяти лет, среднего роста, седой, в крупных роговых очках, он занимался вопросами евроинтеграции в ны-

нешнем составе Европарламента. Рядом с ним сидел неизвестный Дронго мужчина лет сорока. Судя по внешности, он был из южных стран, скорее из Турции или Греции. Невысокого роста, черноволосый, с характерной щеточкой темных усов, он что-то негромко говорил Гиттенсу, который, соглашаясь, кивал в ответ.

Дронго обратил внимание, что одна из поднявшихся молодых женщин, которая была старше своей спутницы, поправила очки и удивленно посмотрела в сторону Гиттенса и его спутника. Затем медленно, словно не веря своим глазам, кивнула головой, здороваясь с незнакомцем. Он привстал, приложив руку к сердцу, и также кивнул в ответ. Гиттенс несколько удивленно посмотрел и на своего спутника, и на эту женщину.

Дронго, знавший еврокомиссара, решил не подходить к ним ближе и уселся несколько в стороне от них. Геннадий и Эльвина продолжали переругиваться уже гораздо тише, чем раньше. Две молодые женщины, вошедшие перед Дронго, уселись в другом конце вагона, продолжая негромко переговариваться. Иногда обе весело смеялись. За несколько секунд до отхода поезда в вагон поднялся еще один мужчина. Высокого роста, с рыжеватой бородкой и усами, в светлом костюме. Он забросил свою сумку наверх и, усевшись в кресле, достал газету «Файненшл таймс»...

«Срез Европы», – подумал Дронго, – все как обычно. Типичная компания для вагона первого класса, где путеше-

ствуют представители многих государств Европы. Границы больше не существует, все перемешалось».

Он не мог даже предположить, что буквально через несколько минут станет невольным свидетелем убийства, которое прославится как одно из самых невероятных преступлений в Европе. Последствия этого преступления будут еще долго обсуждаться во всем мире.

Поезд тронулся, набирая скорость. Дронго достал газеты, чтобы тоже начать читать, когда услышал обращенный к нему вопрос:

– Простите, что я вас беспокою. Мне показалось, что вы подошли к вокзалу с господином Зингерманом. Или я ошиблась?

Он убрал газету. Перед ним стояла та самая незнакомка, с которой они вместе забирали свои чемоданы из камеры хранения.

Глава 2

Дронго положил газету на столик перед собой, поднялся. У незнакомки были красивые глаза, ровные, правильные черты лица. Волосы аккуратно уложены.

– Простите, вы меня о чем-то спросили?

– Про господина Зингермана, – сказала женщина, – я не ошиблась? Это был он?

– Нет, вы не ошиблись. Это был именно он. Вы с ним знакомы?

– Нет, – улыбнулась женщина, – извините, что я вас беспокоила. Я представитель компании «Тиффани» во Франции и хорошо знаю его родственников, которые обосновались в Париже и Ницце. А с господином Зингерманом, который возглавляет их семейное предприятие в Антверпене, я лично незнакома, хотя много слышала о нем от его родственников. Жаль, что я не подошла к вам. Просто меня несколько смутил его наряд ортодоксального еврея. Ведь его родственники во Франции очень даже светские люди.

– Вы считаете, что его одежда свидетельствует об обратном? – усмехнулся Дронго.

– Ни в коем случае, – возразила незнакомка, – просто я ожидала увидеть несколько другого человека. Но услышала, как вы назвали его по фамилии, и поняла, что это именно тот Зингерман, о котором я подумала. Он удивительно похож на

своего двоюродного брата из Парижа.

– Вы, очевидно, только недавно стали представителем компании «Тиффани»? – предположил Дронго.

– Как вы догадались? – удивилась женщина.

– Если бы вы работали давно, то вы бы наверняка знали, как именно выглядит и одевается Зингерман. Но вы, зная его кузена, ни разу не видели самого Зингермана и даже не представляли, как он одевается.

– Верно, – согласилась женщина, – извините, что я не представилась. Меня зовут Мадлен Броучек. Вот моя визитная карточка. – Она протянула белую карточку с логотипом известной ювелирной фирмы.

– Меня обычно называют Дронго, – пробормотал он.

Она замерла. Недоверчиво взглянула на своего собеседника.

– Вы шутите? – спросила Мадлен.

– Я не совсем вас понимаю, – признался Дронго, – или вы обо мне слышали?

– Вы тот самый эксперт, который в восьмидесятые сумел ограбить ювелирный магазин Зингермана в Париже? – изумленно уточнила госпожа Броучек.

– Вы об этом тоже слышали? Странно, но за сегодняшний день уже второй человек напоминает мне об этом забытом случае.

– Как это забытом? – почти восторженно сказала она. – Об этом преступлении до сих пор говорят во всех ювелирных

магазинах мира. Это было просто гениально. Позвонить от имени комиссара полиции и попросить не оказывать сопротивления грабителям, так как магазин находится под контролем и оба преступника будут арестованы, как только выйдут с награбленным. Представляю, как радовались сотрудники магазина, предвкушая арест грабителей! А те благополучно уехали. Просто потрясающее ограбление. Неужели это действительно были вы?

– Кажется, да, – кивнул Дронго. – Может, мы присядем?

– С удовольствием, – согласилась она, – я даже не могла представить себе, что когда-нибудь познакомлюсь с таким легендарным человеком, как вы.

– Это в основном за счет разных слухов, – пробормотал Дронго. Ему не хотелось признаваться самому себе, что подобная восторженность молодой женщины была ему приятна.

В конце вагона появился разносчик кофе, чая, различных напитков и сэндвичей с тележкой. Сидевшие в другом конце вагона Гиттенс и его спутник попросили для себя кофе. Чуть ближе сидела незнакомая пара молодых женщин, которые, отказавшись от кофе, взяли себе минеральную воду. Рыжеволосый попросил дать ему чай. Говорившие по-русски Геннадий и Эльвина, сидевшие ближе других, тоже взяли для себя кофе. Тележку подкатили ближе, и Дронго спросил у своей собеседницы, что из напитков она желает. Мадлен Бручек выбрала апельсиновый сок. Он попросил воду без газа.

– Неужели действительно вы тот самый эксперт? – не могла успокоиться Мадлен. – Это просто невероятно. Я столько о вас слышала. У меня есть знакомая журналистка, которая столько про вас рассказывала. Она из Праги и однажды даже брала интервью у вас. Тогда вы ее поразили.

– Я понял по вашей фамилии, что вы родом из Чехии, – кивнул Дронго.

– Как только моим родителям разрешили официально покинуть тогда еще Чехословакию, они уехали сначала в Германию, потом во Францию.

– Они были ювелирами? Или имели отношение к этому бизнесу?

– Это догадка или интуиция? – спросила Мадлен.

– Ни то, ни другое. Судя по возрасту, вам не больше тридцати. А вы уже представитель одной из самых известных и консервативных фирм в мире. И в такой стране, как Франция. Извините, но даже с выдающимися способностями такие места не занимают без особой протекции. И тем более без нужных родственных связей. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. Мой отец работал в нашем Министерстве торговли, а потом торговым атташе в Австрии и Германии, где у него было много друзей. А когда мы переехали в Мюнхен, он стал сотрудничать с известными ювелирными фирмами. И даже стал одним из представителей компании «Де Бирс» в Африке. Ну, а потом они начали сотрудничать с «Тиффани», и я тоже пошла по стопам отца. Хотя надеюсь,

что меня все-таки утвердили из-за моей работоспособности и репутации, а не только благодаря родственным связям...

– Не сомневаюсь в вашей деловой хватке, – согласился Дронго, – судя по тому, как вы сами подошли ко мне, я понял, что вы достаточно смелый и независимый человек.

– Что еще вы поняли? – поинтересовалась Мадлен.

– Судя по кольцу, вы замужем, – предположил Дронго, – притом интересно, что ваше обручальное кольцо из белого золота как раз от фирмы «Де Бирс». Очевидно, ваш супруг решил сделать вам подарок, учитывая место работы вашего отца. Возможно, они даже знакомы...

– Все правильно, – улыбнулась она, – они работают вместе.

– Достаточно взглянуть на ваш багаж, чтобы оценить степень вашего состояния, – продолжал Дронго, – даже в некоторых деталях. Платок на вашей шее от «Эрме», ваш багаж от самой известной французской фирмы. Не буду перечислять все детали, которые выдают, с одной стороны, ваш изысканный вкус, а с другой – вашу обеспеченность. Вместе с тем вы достаточно независимый, сильный, уверенный в себе человек. Судя по тому, что вы едете из Антверпена в Брюгге на поезде, я могу судить, что вы либо не любите сидеть за рулем, либо в вашей недавней жизни что-то произошло. На левой руке у вас есть шрам, на который я обратил внимание. Шрам достаточно свежий. Возможно, вы попали в автомобильную аварию, когда управляли машиной. И попали в ава-

рию в Европе, где управляли правой рукой, повредив левую.

– Да, – почти весело согласилась Мадлен, – это было в прошлом году. На меня вылетел грузовик, и я чудом увернулась, содрав кожу с пальцев левой руки. С тех пор не люблю сидеть за рулем. Предпочитаю, чтобы меня возили другие. Неужели вы действительно об этом сейчас догадались. Или вы что-то знали раньше?

– Я впервые в жизни услышал вашу фамилию, – сказал Дронго. – Теперь насчет фамилии. Вы сохранили фамилию своего отца, хотя и вышли замуж. Отсюда вывод – ваш отец достаточно известная фигура в ювелирном бизнесе и вам было выгодно сохранить эту фамилию. Очевидно, ваш супруг не возражал против сохранения вашей фамилии. С одной стороны, это характерно для очень независимых женщин, самостоятельно зарабатывающих себе на жизнь и успевших зарекомендовать себя до замужества, состоявшихся в своем бизнесе или на работе. А с другой, – извините за откровенность, некоторая отстраненность от вашего нынешнего супруга, при котором вы все-таки сохраняете свою фамилию, не решаясь брать фамилию мужа. Очевидно, брак был во многом не столько в силу бурных чувств, сколько по трезвому расчету.

Она покачала головой, но никак не прокомментировала его слова.

– Я мог бы подумать, что детей у вас нет, – сказал Дронго, – но когда вы доставали свои вещи, зазвонил ваш теле-

фон, и я случайно увидел на панели фотографию ребенка. Значит, у вас есть маленький ребенок, чью фотографию вы разместили на своем телефоне.

– Верно, – рассмеялась Мадлен, – моей дочери три года.

– Значит, вы вышли замуж примерно четыре или пять лет назад.

– Четыре года, – тихо сообщила она, – мне было тогда двадцать четыре. Отец считал, что мне пора выходить замуж, и рекомендовал своего сотрудника, который был гражданином Германии. Из очень известной аристократической семьи. Его родители тоже мечтали о нашем браке. Вы правы, господин эксперт. Это был брак по взаимному согласию и расчету. Хотя он человек положительный, выдержанный, воспитанный, и мне не в чем его упрекнуть. Любая женщина мечтала бы иметь такого супруга...

Она замолчала. Сидевший рядом с еврокомиссаром темноволосый незнакомец достал из кармана телефон и о чем-то громко спросил. Дронго услышал, на каком языке говорит собеседник Гиттенса. Очевидно, он разговаривал с кем-то из своих родственников. Он увидел, как обе молодые женщины, сидевшие вместе, услышав голос незнакомца, повернулись в его сторону. Рыжеволосый тоже поднял голову, но почти сразу уткнулся в свой ноутбук, который он успел до этого вытащить. Только пара, говорившая по-русски, продолжала негромко о чем-то спорить.

– Я думала, что такие эксперты, как вы, бывают только в

кино или в книгах, – призналась после некоторого молчания Мадлен, – чтобы обращать внимание на такие мелочи, как мой шрам на левой руке, фотография ребенка в моем телефоне или мое кольцо. Вы действительно интересный человек, господин Дронго, и все, что про вас говорили, соответствует действительности.

– Люди обычно невнимательны к деталям, – пробормотал Дронго, – не обращают внимания на очень характерные черты своих собеседников, не замечают интонаций в голосе, другие детали одежды или багажа. Можно очень многое узнать даже по внешнему виду человека.

– Теперь вижу, что это правда, – согласилась Мадлен, – вы тоже едете в Брюгге?

– Да. Там должна состояться конференция по вопросам развития Евросоюза с европейскими странами, не входящими в его состав, – сообщил Дронго, – думаю, что я задержусь в городе только на два дня. А вы тоже направляетесь в Брюгге?

– У нас встреча региональных представителей, – сообщила она. – Где вы собираетесь остановиться?

– Кажется, забронировали номер в отеле «Кемпински», – вспомнил Дронго.

– Разумеется, – улыбнулась госпожа Броучек, – ведь это лучший отель в городе. Вы бывали раньше в Брюгге?

– Два раза бывал.

– Я тоже была там два раза. Говорят, что все должно быть

по три раза. У русских есть даже такая поговорка: «Бог любит троицу». Думаю, что вы должны понимать по-русски.

– А вы говорите по-русски?

– Конечно. У меня мать наполовину украинка. И она учила меня русскому и украинскому языкам. Хотя иногда я их путаю.

– И еще вы знаете чешский, английский, немецкий и французский. – Он не спрашивал. Он утверждал.

– Это тоже дедукция или интуиция? – рассмеялась она.

– Просто расчет. Со мной вы говорите по-английски, чешский вы могли знать как язык вашей семьи. Много лет прожили в Германии и должны были понимать немецкий, а без французского вас бы не сделали представителем фирмы в этой стране. Или я не прав?

– Абсолютно правы. – Она прикусила губу.

В вагон поднялись двое молодых журналистов. Первый был Элиа Морзоне, а второй, более коренастый, плотный, с характерным разрезом азиатских глаз и широким лицом, был, очевидно, его напарник Рамас Хмайн. Они поднялись по лестнице с той стороны, где сидел Дронго и его спутница, сразу подходя к ним.

– Здравствуйте, господин эксперт, – усмехнулся Рамас, – как хорошо, что вы едете вместе с нами. У нас полно времени.

– Что вы думаете о предстоящей конференции? – сразу поддержал своего друга Морзоне, не давая времени на ответ.

– Я сейчас нахожусь в поезде и беседую с представителем европейского агентства по развитию, – показал Дронго на сидевшую рядом Мадлен, – мы как раз обсуждаем эти вопросы. Может, вы разрешите нам закончить наш разговор?

– Да, конечно, – согласился Морзоне и сразу обратился к Мадлен Броучек:

– Что думаете вы по поводу этой конференции? Нам интересно будет узнать ваше мнение.

Дронго уже собирался ответить за свою собеседницу, когда она остановила его жестом руки.

– Наш разговор носит конфиденциальный характер, господин журналист, – пояснила Мадлен, – и я не вправе его комментировать, пока не начнется сама конференция. Надеюсь, что вы понимаете нашу позицию.

– Тогда пообещайте, что дадите нам эксклюзивное интервью сразу после завершения конференции, – потребовал Морзоне.

– Разумеется, – согласилась Мадлен, с трудом сдерживая смех, – я дам интервью только для вас двоих.

Оба согласно кивнули, направляясь к еврокомиссару. Мадлен весело взглянула на Дронго.

– Вы еще и актриса, – негромко произнес он.

– Просто хотела вам подыграть, – призналась она, – это было достаточно интересно. Ненавижу таких наглых журналистов, которые считают, что им все позволено.

– Большинство журналистов полагают, что имеют право

бесцеремонно копаться в жизни других людей, – заметил Дронго, – тем более такие, как эти. У Морзоне отвратительная репутация.

– Теперь буду знать.

– Но вы отлично мне подыграли. Спасибо.

Оба улыбнулись друг другу. Морзоне и Хмайн подошли к еврокомиссару и его спутнику. Судя по тому, как голоса говоривших становились все громче, Гиттенс и его собеседник категорически отказывались от любых интервью, тогда как журналисты настаивали. В какой-то момент сидевший рядом с еврокомиссаром его спутник просто громко и решительно потребовал оставить их в покое, когда Морзоне пробормотал какую-то гадость, попытавшись снять обоих собеседников на свой телефон. Реакция неизвестного мужчины была мгновенной. Он вскочил и оттолкнул от себя журналиста. Тот упал на пол, и телефон, выпав из его рук, ударился о ручку кресла, разбившись. Морзоне пробормотал проклятье.

– Это переходит всякие границы, – строго произнес Гиттенс, – уходите, господа журналисты.

– Какой мерзавец, – заметила Мадлен.

Морзоне, забрав свой телефон и бормоча какие-то ругательства, сошел с другой стороны вагона. Следом за ним удалился и Рамас Хмайн. Гиттенс недовольно пожал плечами. Было очевидно, что подобные журналисты просто доставали его своими бесконечными вопросами.

– Достаточно посмотреть на этого типа, чтобы все о нем понять, – сказал Дронго.

– Похоже, вы правы, – согласилась Мадлен, – здесь было слишком просто и ясно. Можно я задам вам еще один вопрос?

– Конечно.

– Как вы считаете, как именно я отношусь к вам? Ведь мы познакомились только сейчас. Или этого вы не сможете сказать?

– Смогу, – ответил Дронго, – думаю, что смогу.

Она с интересом взглянула на него.

– Не знаю почему, но я сумел вам понравиться, – спокойно сказал эксперт. – Более того, очевидно, что моя биография и тот забавный инцидент в Париже произвели на вас очень сильное впечатление. Как и наш сегодняшний разговор. Чем я могу только гордиться. Вызвать интерес у такой красивой и образованной женщины, как вы, не каждому по силам...

Она прикусила губу. Молчала. Пять секунд. Десять. Двадцать. И только затем произнесла:

– Это правда. Ваши наблюдения верны и на этот раз. Вы, как всегда, сказали все правильно.

Глава 3

Каждый более или менее известный человек в жизни сталкивается с подобной ситуацией. Особенно она понятна известным спортсменам или актерам, когда назойливое внимание фанатичных поклонниц начинает надоедать. Хотя восторженное отношение к собственной персоне нравится почти всем. И устать от подобного просто невозможно. Те, кто утверждает обратное, либо ханжи, либо лицемеры. Вместе с тем бывает особенно приятно, если на вас обращает внимание поклонница, которая, в свою очередь, нравится вам, и это доставляет известным людям особое удовлетворение. Понятно, что раздражающая кумира поклонница ничего, кроме тщеславного удовлетворения, ему не приносит.

Однако самое большое удовольствие от встречи со своими поклонницами обычно испытывают известные писатели или композиторы, когда для оценки их творчества нужно подобие интеллекта и здравого смысла. Разумеется, в этих случаях речь идет о действительном понимании творчества любимого кумира.

Для того чтобы оценить мастерство известного эксперта-аналитика, нужно понимать степень важности его работы и быть хотя бы немного посвященным в его тайны. Понятно, что у самых известных сыщиков и криминалистов не бывает поклонников, так как сама их работа требует сохране-

ния инкогнито и полной секретности. Именно поэтому, иногда случайно встречая своих поклонников или поклонниц, Дронго удивлялся и смущался от подобного восторженного отношения к своей персоне. Он всегда считал, что всего лишь занимается своим делом, которое он знает лучше всего. И которым может заниматься, чтобы приносить пользу окружающим людям. Но в последнее время его расследования становились все более и более известными, а его фигура начинала приобретать некие легендарные черты, о которых говорили во многих странах. Когда один из друзей Дронго, крупный банкир и меценат Рахман, был в Хорватии, одна из переводчиц честно призналась, что Дронго уже давно не легенда. «Он – наша религия», – сказала молодая женщина, и в этих словах было истинное отношение людей к известному сыщику. Хотя, возможно, это было преувеличением.

И теперь, случайно встретив в вагоне поезда Антверпен – Брюгге свою истинную поклонницу, он был отчасти смущен, отчасти растерян, не понимая, как именно следует вести себя в подобных ситуациях. Он не был известным спортсменом, за автографами которого охотятся сотни фанатов, не был знаменитым актером, которого узнают на улицах. Но Мадлен Броучек не скрывала своего восторженного отношения к эксперту, о котором она так много слышала. Это было отчасти объяснимо биографией ее семьи, где отец и ее супруг были связаны с ювелирными домами, которые хорошо знали репутацию известного эксперта-криминалиста.

– Почему вы молчите? – спросила его Мадлен Броучек. – Я могу решить, что вы слишком загордились. Для такого умного человека это непростительно.

– Какое зазнайство? – пожал плечами Дронго. – Я просто не понимаю, как вести себя в такой ситуации. Раздавать автографы... Не скрою, что мне очень приятна ваша реакция.

– Спасибо и на этом.

– Но это правда. Здесь всегда должен существовать некий обратный обмен. Если даже вас любят или вами восторгаются сотни разных поклонников, то это всего лишь факт вашей биографии. Но если вы сумели произвести впечатление на умную и состоявшуюся женщину, которая, в свою очередь, нравится вам, то это уже почти невероятное событие в вашей жизни.

– Достаточно честно, – сказала она после недолгого молчания, – и смело. Из ваших слов я поняла, что «умная и состоявшаяся» женщина нравится вам...

– А разве это было непонятно с самого начала? Я был слишком многословен, это первый признак моего интереса к вам.

– Значит, вы еще и опасный соблазнитель, – притворно вздохнула она, – хотя при вашей профессии и так понятно, что вы умеете читать в сердцах и душах людей.

Русская пара перестала ругаться, и Геннадий пошел вниз. Почти сразу следом за ним на первый уровень спустился и рыжеволосый. Еврокомиссар и его спутник продолжали о

чем-то негромко говорить.

– Странно, – сказала Мадлен, – никогда не думала, что поведу себя так глупо. Просто не сумела промолчать. Ваш авторитет оказался слишком сильным. Может, мы спустимся и выпьем кофе? Кажется, мне нужно немного прийти в себя. Я была слишком откровенна? Как вы считаете, это плохо?

– Не нужно спрашивать моего мнения, – попросил Дронго, – в этом случае я плохой советчик. Это слишком личное...

– Перестаньте, – улыбнулась она, – я чувствую, что смущаюсь.

Он помог ей встать, и они пошли к вагону-ресторану. Заказав ей кофе, он выбрал для себя черный чай. Забрав свой заказ, они отошли к столику.

– Я впервые в жизни веду себя таким образом, – призналась Мадлен, – даже не понимаю, что со мной происходит.

– Вы хотите, чтобы я вам объяснил?

– А вы можете объяснить даже это? – невесело улыбнулась женщина.

– Я стараюсь быть честным. Перед собой и перед людьми. Хотя подобная честность бывает беспощадна. Если вы сделаете знак, то я остановлюсь. Если я буду не прав, вы можете меня перебить.

– Говорите, – разрешила она.

– Замуж вы вышли по рекомендации отца, – приглушенным голосом произнес Дронго, – очевидно, он считал ва-

шу партию наиболее перспективной. Полагаю, что муж старше вас. Возможно, ненамного, но старше. Приятная жизнь в окружении роскоши и богатства. Устоявшаяся и привычно-размеренная. И неожиданно вы узнаете о невероятном случае ограбления в Париже, и совершивший подобное «преступление» неизвестный эксперт кажется вам воплощением дерзости, отваги, смелости, ума и находчивости. Я даже почти уверен, что вы узнали об этом случае достаточно давно. И узнав, конечно, интересовались, как зовут этого человека...

– Этого мне так и не удалось узнать, – призналась Мадлен, – мне только сообщили его странную кличку. Так называют птиц в Юго-Восточной Азии.

– И это вызвало у вас еще больший интерес. Временами он казался вам просто выдуманным персонажем. Ну, и отношение к выдуманному персонажу было соответствующим. Поэтому ваше состояние легко объяснимо.

– Вы всегда так беспощадны в своих анализах? – поинтересовалась она.

– Смею вас заверить, что я почти ничего не сказал. Если бы я был по-настоящему беспощаден, вы бы обиделись и ушли. А мне этого совсем не хочется. Говорят, что каждый человек в среднем лжет в день по пять-шесть раз. Возможно, сейчас я не сказал всей правды. Но только ее часть...

– Представляю, что вы могли бы мне сказать, – улыбнулась Мадлен, – тогда мне стоит еще вас и поблагодарить

за вашу тактичность. Хотя я предпочла бы выслушать всю правду.

– Я и так много наболтал.

– Странно. Я действительно столько о вас слышала. И представляла вас совсем другим, – призналась она, – небольшого роста, таким книжным червем. Обязательно в очках, с нудным голосом и в мятом костюме. Может, еще и с растрепанными волосами. Такой рассеянный гений.

– Простите, что не соответствую вашим ожиданиям.

– Совсем не соответствуете. Вы немного похожи на моего отца, который никогда не повышает голос, всегда чисто выбрит, подтянут и всегда точно знает, что именно нужно делать.

– Между прочим, бреюсь я ежедневно, – нарочито обиженным голосом сказал Дронго.

– Я это заметила. Но все остальное... Глядя на вас, труднее всего можно предположить, что вы тот самый известный эксперт-аналитик. С такими физическими данными можно быть скорее грабителем в темных подъездах. Извините, если я вас обидела. С таким огромным ростом и с такими широкими плечами. А ваш кулак, наверное, размером с мою голову. Правда, вас выдают ваши глаза. Слишком наблюдательные и внимательные. Но все равно, глядя на вас, трудно представить, что вы аналитик. Скорее бывший охранник или спортсмен, работающий вышибалой. Только не обижайтесь. Я тоже могу быть беспощадной.

– Разумеется. Есть стереотип в восприятии людей. Если лысый, то умный, если в очках, то начитанный. А сейчас спортсмены бреют головы, а блогеры ходят в очках. Особенно живуч стереотип по отношению к писателям, ученым или частным детективам. Считается, что это «городские сумасшедшие» или смешные чудаки типа Эркюля Пуаро или Ниро Вульфа. Вот видите, я вас все-таки разочаровал.

– Скорее, наоборот, – возразила она, – вызвали еще больший интерес. Я бы хотела присутствовать при расследовании, которое вы проводите. Было бы ужасно интересно.

Ни Мадлен Броучек, ни сам Дронго не могли предположить, что уже через несколько минут рядом с ними произойдет убийство, которое положит начало целой цепи таинственных событий, о которых еще долго будут вспоминать в Европе. Но пока они стояли вдвоем у столика и беседовали, симпатизируя друг другу.

– Извините, – неожиданно сказала она, – кажется, я оставила свой второй телефон в сумке. Мне может позвонить отец. У меня есть для связи с ним другой телефон, который постоянно включен. Отец требовал, чтобы я была с ним все время на связи. Так ему спокойнее. Он сейчас в Нью-Йорке и может позвонить в любой момент. Я сейчас вернусь.

Она пошла обратно в вагон первого класса. Дронго остался один. Рядом негромко разговаривала молодая пара, очевидно, немцы. Они съели сэндвичи, допили пиво и двинулись в другую сторону, когда снова появилась госпожа Бро-

учек.

– Все время думаю над вашими словами, – сказала Мадлен, – насчет моего мужа. Он действительно старше меня на восемь лет. Ужасная разница, правда?

– Нет, – пожал плечами Дронго и неожиданно улыбнулся. Она особым женским чутьем поняла, почему он улыбнулся. И уточнила:

– Вы женаты?

В подобных ситуациях он старался не лгать. Хотя не хотелось говорить правду. Но он кивнул головой.

– Женат.

– И гораздо старше своей супруги? – настойчиво спросила она. – Больше чем на восемь лет?

– Немного, – признался Дронго, – вот видите, вы уже научились анализировать...

– Да. Я буду вашим лучшим учеником, – иронически произнесла Мадлен. Но в иронии была горечь.

– В Китае в банках работали специальные люди, которые умели определять кредитоспособность возможного должника по его походке, разговору, интонациям, одежде. Их мнение было решающим при выдаче кредита. Они почти безошибочно определяли, стоит ли выделять деньги тому или иному просителю, – вспомнил Дронго.

– Вам не предлагали работать в банке? – спросила она.

– Нет, – ответил он, – никогда не предлагали. Иначе я бы стал обращать внимание и на кредитоспособность самих

банкиров.

– С вами было бы очень интересно дружить, – призналась Мадлен.

Он задумался. Затем неожиданно спросил:

– Вы говорили, что знаете русский язык?

– Да, но не очень хорошо.

– У русских гусар была традиция, – вспомнил Дронго, – чтобы стать настоящими друзьями, они должны были выпить на брудершафт. После чего становились друзьями на всю жизнь.

– Я вас не поняла. Как это?

– Перекрещиваете руки и пьете, чтобы потом расцеловаться и стать друзьями, – вспомнил Дронго.

– Кофе подойдет?

– Боюсь, что нет.

Он повернулся и заказал у бармена две рюмки коньяка. Когда им принесли коньяк, он протянул одну рюмку Мадлен.

– Я не очень люблю коньяк, – призналась она.

– Это чисто символически, – пояснил Дронго, – давайте перекрестим руки и чокнемся.

Они так и сделали. Оба пригубили свои рюмки. Затем оставили их в стороны.

– Что теперь? – спросила Мадлен.

– Нужно трижды поцеловаться, – предложил он, – и стать друзьями на всю жизнь.

– Надеюсь, что не в губы, – прошептала она.

– Только в щеку, – пробормотал он.

Они сблизились. Она повернула голову налево, он направо. И их губы соприкоснулись. Оба искренне собирались завершить ритуал дружескими поцелуями. Но все получилось иначе, их словно подтолкнули друг к другу. Поцелуй получился слишком долгим для брудершафта. И довольно интимным для бара вагона-ресторана. Мимо них проходили тактичные европейцы, которые не смотрели в их сторону.

И в этот момент раздался чей-то женский крик. Затем другой. Еще несколько громких мужских голосов.

– Кажется, нас вовремя остановили, – пробормотала Мадлен, отстраняясь от него.

– Что-то случилось, – сказал он, оглядываясь на другой вагон, откуда слышались крики.

– Надеюсь, что теперь мы останемся друзьями, – сказала она.

– Убежден, – кивнул Дронго, – но давайте посмотрим, что там произошло. Только держитесь за мной. А еще лучше – оставайтесь здесь, и я сам все проверю.

– Я пойду с вами, – решительно произнесла она.

– Пойдемте, – согласился Дронго.

Они прошли в соседний вагон. Оказалось, что крики доносились из третьего вагона. Вагона первого класса, в котором они ехали. Там уже толкались люди. Туда подошел проводник. Все стояли растерянные, не понимая, что именно происходит. В первом ряду сидела полная женщина, которой

было плохо. Ей давали воду, какие-то таблетки, пытались успокоить ее. Стоявший рядом мужчина, очевидно врач, пытался каким-то образом помочь ей. Лицо у женщины было в крупных красных пятнах, вероятно, она была гипертоником.

Больше всего людей толпилось у туалета. Дронго увидел, как сквозь толпу протискиваются журналисты Морзоне и Хмайн, которые не скрывали своего любопытства. У обоих в руках были телефоны. Очевидно, Морзоне имел не один телефон, а несколько, как раз для подобных случаев.

– Пропустите, – кричал он на нескольких европейских языках, – пропустите полицию.

– Вот какой тип, – покачала головой Мадлен, – даже здесь он лжет, пытаясь что-то сфотографировать. Как вы думаете, что там произошло?

– Не знаю. Но пробиться туда просто невозможно. – Дронго обернулся к женщине, сидевшей в первом ряду и задыхавшейся от увиденного. Было件нятно, что она перенервничала.

– Что? – спросил Дронго. – Что вы там увидели?

Женщина пробормотала что-то по-французски. Он обернулся к Мадлен, стоявшей рядом:

– Что она говорит?

– Говорит, что увидела убитого, который свалился прямо на нее, – перевела Мадлен.

– Там был убитый? – переспросил Дронго.

Госпожа Броучек перевела его вопрос.

– Да, – подтвердила несчастная.

– Как она узнала, что он убит? – задал Дронго еще один вопрос.

– Увидела его лицо и кровь на рубашке, – перевела Мадлен.

Стоявший рядом врач что-то недовольно сказал. Но Мадлен сразу ему ответила. Врач замолчал, наклоняясь к свидетельнице.

– Он недоволен, что вы допрашиваете женщину, которая находится в таком тяжелом состоянии, – пояснила госпожа Броучек, – но я объяснила ему, что вы известный сыщик и можете помочь в расследовании этого преступления.

– Нужно остановить поезд, – крикнул кто-то из толпы, – прямо сейчас.

– Правильно, – закричали другие, – остановите поезд. Проводник, остановите поезд.

– Что они кричат? – спросил Дронго.

– Хотят остановить поезд, – пояснила Мадлен.

– Ни в коем случае, – сразу сказал Дронго, – нельзя останавливать поезд. Ведь если там убитый, то его убийца может быть рядом с нами. А если мы остановим поезд, он сможет сбежать. Скажите об этом громко по-французски, чтобы вас поняли.

Мадлен громко повторила его слова. Все испуганно замерли. Затем люди стали осторожно отодвигаться друг от друга. Все неожиданно осознали, что убийца может нахо-

даться в этом поезде, рядом с ними. Воспользовавшись общей растерянностью, Дронго протиснулся к журналистам, которые снимали лежавшего на полу убитого мужчину. Дронго наклонился к убитому. Сомнений не оставалось. Это был тот самый мужчина, который разговаривал с еврокомиссаром Гиттенсом на втором уровне вагона первого класса. Его убили двумя выстрелами в грудь. Дронго обернулся. За его спиной стоял сам Гиттенс. Он мрачно смотрел на убитого. И что-то спросил по-французски.

– Я вас не понял, – ответил Дронго.

– Что с ним случилось? – перешел на английский еврокомиссар.

– Его убили, – пояснил Дронго, – и думаю, что убийца все еще находится в нашем поезде.

Он произнес эти слова негромко, чтобы его услышал только Гиттенс. Но его услышали Морзоне и Хмайн.

– Убийца еще в поезде, – громко крикнул сначала по-французски, а затем по-английски Морзоне, – убийца где-то рядом с нами, господа.

И вот тогда началась самая настоящая паника. Люди бросились бежать, опрокидывая сумки и чемоданы, толкая друг друга. Были слышны женские крики, детский плач, тяжелое дыхание мужчин. Дронго покачал головой.

– Замолчите, – резко приказал он журналисту, – не устраивайте панику в поезде.

Но было уже поздно. Кто-то дернул стоп-кран, и поезд

резко затормозил. Люди начали валиться друг на друга, и общая неразбериха еще более усилилась.

Глава 4

Дронго с трудом устоял на ногах. Обернулся к еврокомиссару, который стоял рядом, держась за поручни.

– Вы видели, кто именно в него стрелял? – спросил он у Гиттенса.

– Нет, – покачал головой тот, – я сидел наверху, когда услышал женский крик. И решил спуститься сюда. Я ничего не видел.

– Он говорил по-турецки, – вспомнил Дронго, показывая на убитого, – это был турок? Как его звали?

– Вы его знали? – неприятно поразился Гиттенс. – Кто вы такой? Вам поручили его охранять?

– Нет. Я случайно оказался в вашем вагоне. Я международный эксперт-аналитик. Меня обычно называют Дронго. И я понимаю по-турецки, поэтому обратил внимание, что ваш собеседник говорил по телефону на турецком языке.

– Да, – кивнул еврокомиссар, – это представитель Турции. Месуд Саргын. Мы вместе выехали из Брюсселя и направлялись в Брюгге на нашу конференцию. И такое несчастье...

– Он спустился вниз, а вы остались на своем месте?

– Нет. Мы вместе спустились вниз, чтобы выпить еще по чашке кофе. Но в этот момент позвонил по телефону мой помощник, которому нужно было уточнить некоторые детали. И я поднялся наверх, чтобы забрать материалы по под-

готовке к конференции. Потом я собирался спуститься. Но услышал женский крик.

– Кто-нибудь был с вами в вагоне, когда вы туда вернулись. Я имею в виду на втором этаже.

– Я не обратил внимания, – нахмурился Гиттенс, – хотя я помню, что там была одна молодая особа, которая сидела в вагоне со своей старшей сестрой.

– А ее сестры не было?

– Нет.

– И больше никого не было?

– Следом за мной поднялся мужчина, я думаю, что он русский. Они все время спорили со своей супругой. Но когда мы входили в вагон, он, по-моему, кивнул моему турецкому другу. А может, мне только показалось. Я не уверен.

– И все?

– Кажется, да. Там были еще вы с молодой симпатичной женщиной. Но вы оба ушли куда-то вниз.

– Да, это верно. Там еще был такой высокий рыжеволосый мужчина.

– Его я знаю. Это Яан Схюрман. Известный журналист и политик из Нидерландов. Я думаю, что он тоже направляется в Брюгге на конференцию. Но его не было в вагоне.

– О чем вы тут говорите? – вмешался проводник, который пытался успокоить пассажиров. – Через восемь минут мы будем в Генте. Я уже позвонил в полицию.

– Этот господин – известный международный эксперт, –

пояснил Гиттенс, – а я еврокомиссар Фредерик Гиттенс. Вот мое удостоверение. Погибший был моим хорошим знакомым и другом. Месуд Саргын. Я думаю, документы у него в кармане.

– Ничего не трогайте, – предложил проводник, – пока не прибудет полиция. И вы, господа, тоже ничего не трогайте, – предупредил он обоих журналистов, которые продолжали щелкать своими телефонами, снимая погибшего.

– Это тот самый турок, который тебя ударил, – удовлетворенно произнес Рамас Хмайн, показывая на убитого.

– Я его тоже узнал, – ухмыльнулся Морзоне, – это его Бог наказал. Не хотел отвечать на мои вопросы, теперь стал героем моего репортажа в таком виде. Вот так иногда бывает в жизни.

– Господа, помолчите, – нервно предложил еврокомиссар, – не забывайте, что вы все-таки принадлежите к великой европейской цивилизации и вести себя подобным образом... Как минимум стыдно, господа...

– А мне не стыдно, – ответил Морзоне, – этот тип считал себя умнее всех. Вот поэтому и попал в такое дерьмо. Убили в туалете, как провокатора или стукача. Он ведь не захотел даже с нами разговаривать...

– Господин журналист, – покачал головой Гиттенс, – вам никто не говорил, что вы циник?

– Миллион раз, – нагло ответил Морзоне, – ну и что? Цинизм – это самая верная форма существования в нашем ми-

ре. Разве не так? И вы, господин Дронго, не смотрите на меня с такой ненавистью. И не думайте даже подозревать меня. Решите, что если он меня ударил в вагоне, то именно я его и убил? Но это глупо. Если вспомнить всех, кто отказывал мне в интервью, то их наберется не одна тысяча...

– Не сомневаюсь, что еще больше, – холодно заметил Дронго, – учитывая вашу репутацию. Только он вас не ударил, а толкнул. Я сидел рядом и все видел. Не нужно лгать, синьор Морзоне. – Последнюю фразу он сказал по-итальянски.

– Не буду с вами спорить, – ответил Морзоне.

Проводник оттеснил журналистов от убитого. Поезд снова тронулся. Дронго увидел, как к ним протискивается рыжеволосый мужчина.

– Что там произошло? – поинтересовался Схюрман.

– Убийство, – ответил ему Гиттенс, – убили сопровождавшего меня представителя Турции. Такая трагедия.

Схюрман посмотрел в сторону убитого. Пожал плечами.

– Этого следовало ожидать, – сказал он, – ему нужна была своя охрана.

– У нас в Бельгии не убивают людей на улицах городов. Здесь вам не Ирак, господин Схюрман.

– У нас тоже не принято убивать людей в туалетах поездов, – согласился голландец, – но вспомните, сколько журналистов и политиков в Европе уже убили. Разве вам мало фактов? Это война, Гиттенс, и вы прекрасно знаете, о чем

я говорю.

Они говорили по-английски, и Дронго слышал их разговор. Схюрман посмотрел еще раз на убитого и отошел от них. Гиттенс что-то пробормотал – очевидно, он был недоволен этим разговором. Поезд подходил к Генту. Пассажиры, толкаясь, заспешили к выходу. Проводник встал у выхода из вагона.

– Господа, – крикнул он по-французски, – я прошу никого не выходить, пока сюда не войдут сотрудники прокуратуры и полиции. Возможно, они захотят допросить кого-то из присутствующих. И поэтому я прошу никого не выходить на вокзале в Генте во избежание ненужных подозрений.

– Это неправильно, – крикнул кто-то, – я опаздываю на важную встречу.

– Они не имеют права, – раздался другой голос.

Но остальные молчали. Очевидно, понимая законность требований проводника. Дронго подошел к Мадлен, и она перевела ему слова проводника.

– Бесплезно, – покачал головой Дронго, – убийца мог выйти в тот момент, когда кто-то остановил поезд.

– Вы думаете, что убийца уже сбежал? – спросила она.

– Не знаю. Пока ничего не думаю. Но ясно, что убийца был достаточно осторожным человеком и стрелял в убитого дважды. Чтобы наверняка его убить.

– А почему никто не слышал звуков выстрела? – уточнила Мадлен.

– Возможно, стреляли из оружия с глушителем. А возможно, выстрелов вообще не слышно за закрытыми дверями. Во-первых, непонятно, почему они в туалете оказались вдвоем... Это явно не то место, куда ходят парами. Даже с женщиной. Во-вторых, при выстреле с близкого расстояния края входных отверстий бывают не такими, какие были у погибшего. Они должны быть немного опалены. Но стреляли с близкого расстояния, однако убийца не подходил к своей жертве вплотную, чтобы не испачкаться кровью. Я думаю, что убийца шел следом за своей жертвой и начал стрелять в тот момент, когда тот вошел в туалет. И еще не успел закрыть дверь. Именно поэтому убийца закрыл дверь, и тело упало на эту дверь. А когда ее попыталась открыть несчастная женщина, оказавшаяся случайной свидетельницей, погибший свалился на нее.

– Вы так говорите, словно все это видели сами, а не были со мной в вагоне-ресторане.

– Это уже мой многолетний опыт, госпожа Броучек.

– Кажется, мы стали друзьями, – напомнила она, – и вы можете называть меня просто Мадлен. К тому же я намного моложе вас по возрасту.

– По-моему, это нечестно, – заметил Дронго, – не нужно напоминать мне о разнице в возрасте.

– Надеюсь, что я вас не обидела, – улыбнулась Мадлен, – по-моему, у вас сейчас лучший возраст для мужчины. Я где-то читала, что пятидесятилетние мужчины – идеальный ва-

риант для любой женщины от двадцати до шестидесяти. А вы как считаете?

– Шестьдесят уже многовато, – возразил Дронго, – но все остальное правильно.

– Значит, вы не обиделись, – поняла Мадлен, – вы уже знаете, кто убийца, и можете на него указать?

– Нет. Разумеется, нет.

– Как это нет? А мне казалось, что вам достаточно посмотреть на убитого и на нас всех, чтобы сразу определить убийцу.

– Так не бывает, – вздохнул Дронго, – такое случается только в романах или в кино. В реальной жизни нужно долго и терпеливо проводить расследование, чтобы определить реального убийцу. И в этом случае никак нельзя ошибиться. Ведь речь идет о судьбе конкретного человека, которого могут обвинить в таком тяжком преступлении. Поэтому без наличия реальных фактов я ничего не могу с уверенностью сказать.

– И вы не знаете, кто убийца?

– Не знаю. Но, возможно, сотрудники полиции, которые ждут нас на вокзале в Генте, сумеют узнать намного больше.

– Вы можете меня разочаровать, – заметила Мадлен.

– Но я говорю правду, – возразил он.

Поезд остановился. Во все вагоны одновременно вошли сотрудники полиции и прокуратуры города. Очевидно, сюда были мобилизованы все свободные от дежурства сотрудни-

ки. Пассажиров рассадили по креслам и начали проверять их документы, опрашивая каждого... Но большинство пассажиров практически ничего не видели. Никто из пассажиров второго класса не поднимался на второй уровень первого класса и не видел погибшего. Если не считать двух журналистов, которые довольно быстро спустились вниз.

Приехавший комиссар полиции ван Лерберг работал терпеливо, тактично. Он довольно быстро уяснил картину происшедшего. И первым, с кем он поговорил, был еврокомиссар Фредерик Гиттенс, который рассказал обо всем, что произошло. Комиссар приехал со следователем Виллемом Кубергером, молодым человеком лет тридцати, который обошел все вагоны, предложив полицейским переписать всех, кто оказался пассажиром этого рейса. Но задерживать поезд на столь длительное время он не мог. Поэтому поезд тронулся с опозданием в тридцать пять минут, и комиссар вместе со следователем остались в вагоне первого класса, чтобы еще раз уточнить местонахождение каждого из пассажиров в момент убийства в этом поезде.

Гиттенс сообщил комиссару и следователю о находившемся в вагоне эксперте по расследованиям преступлений. Понадобилось несколько минут, чтобы связаться с Интерполом, где подтвердили личность известного эксперта. Именно поэтому ван Лерберг решил переговорить с Дронго без свидетелей, пригласив его пройти в вагон-ресторан, откуда убрали всех посторонних. Вместе с комиссаром туда прошел

и следователь. Правда, в отличие от комиссара он не верил в опыт или помощь неизвестного эксперта, полагая, что современные методы расследования и вызванные в Брюгге дактилоскописты помогут определить, кто именно мог стрелять в иностранного гостя. Однако он тоже пришел на встречу.

– Мы уточнили, что в тот момент, когда господин Гиттенс и господин Саргын спустились вниз, между вагонами стояла тележка с сэндвичами и напитками, – начал комиссар, – и протиснуться мимо нее было крайне проблематично. Отсюда вывод – либо неизвестный убийца пришел из вагона-ресторана и других двух вагонов, которые находились за ним, либо спустился со второго уровня вагона первого класса, где в этот момент находились и вы, господин эксперт. Причем интересно, что вы со своей спутницей были в вагоне-ресторане, и, значит, возможный убийца должен был пройти мимо вас.

– Я никого подозрительного не видел, – ответил Дронго.

– Бармен обратил внимание, что вы вели себя чересчур вольно с вашей спутницей, – заметил следователь.

– Мы хорошо относимся друг к другу. Разве это преступление? – уточнил Дронго.

– Ни в коем случае. Вы были заняты дамой. И поэтому могли не обратить внимания на прошедшего мимо незнакомца, – пояснил комиссар.

– Я обычно замечаю всех, кто проходит мимо меня, – возразил Дронго.

– И давно вы знакомы с госпожой Броучек? – уточнил следователь.

Дронго взглянул на часы.

– Познакомились примерно час назад. Вас это удивляет?

– Учитывая ваш возраст, – удивился следователь, – вы же не мальчик? Или вам нравится соблазнять молодых женщины? Извините за бестактность.

– Мы знали друг о друге очень давно. Но реально встретились именно сегодня. Вас устраивает такой ответ?

– Возможно. Вы носите с собой оружие?

– Нет. У меня его нет.

– Вы же известный эксперт.

– Именно поэтому. Мне оно не нужно.

– У вас нет конкретных подозрений, кто это мог сделать? – решил вмешаться комиссар.

– Нет. Но на втором уровне вагона первого класса нас было девять человек вместе с погибшим.

– Вы точно запомнили? – снова не выдержал следователь.

– Господин Гиттенс разговаривал с погибшим, сидя в конце вагона, – сказал Дронго, – там была еще пара, говорившая по-русски, пара молодых женщин, мы с госпожой Броучек и герр Схюрман из Голландии. Итого девять человек плюс двое журналистов, которые тоже к нам поднимались. У одного из них был конфликт с погибшим, – не без мстительно-го злорадства вспомнил Дронго.

– Да. Господин Гиттенс рассказывал нам об этом, – кивнул

комиссар, – но потом журналисты не поднимались к вам на второй уровень, а коллега синьора Морзоне утверждает, что тот никуда не отлучался, даже в туалет.

– Значит, у синьора Морзоне есть алиби, – равнодушно сказал Дронго, – хотя какое это алиби, если его подтверждает только коллега.

– В каком смысле? – спросил следователь.

– Это только мое замечание. Вам не кажется, что в данном случае вы теряете время? Ведь абсолютно понятно, что нашего турецкого гостя не могли случайно застрелить. Это спланированное политическое убийство. И вам нужно сделать все, чтобы найти возможного убийцу.

– Спасибо за ваши советы, – язвительно заметил следователь, – но мы считали, что именно вы со своим многолетним опытом сумеете помочь нам найти и установить убийцу.

– Я не волшебник.

– Теперь я это вижу, – с вызовом произнес следователь, – и вы хотите, чтобы мы вам верили? Чтобы поверили в эту необычную историю про женщину, с которой вы познакомились несколько минут назад и с которой так вольно обращались в вагоне-ресторане? Чтобы мы поверили вам, что вы не заметили никого, кто прошел мимо вас в вагоне-ресторане, но заметили каждого из тех, кто находился с вами в вагоне первого класса на втором уровне? И даже двух журналистов, поднявшихся туда на минуту, вы тоже запомнили. Вам не кажется странным, что в вагоне, где был убит турецкий

гость, оказался эксперт по вопросам преступности, знающий турецкий язык?

– Об этом вам сообщил Гиттенс?

– Конечно. Его тоже удивило ваше неожиданное появление. Вы можете объяснить, как такое могло случиться, что именно в этом вагоне находились турецкий дипломат и эксперт, владеющий турецким языком?

По-английски следователь говорил неплохо. У комиссара акцент был гораздо сильнее. Но Дронго только поморщился.

– Вы плохо образованы, герр Кубергер, – недовольно сказал он, – вы же получили информацию из Интерпола, где есть моя биография. Я родился в Баку и поэтому не только понимаю, но и хорошо говорю по-турецки. Или вы до сих пор не знаете, что турецкий и азербайджанский языки практически идентичны. Еще более идентичны молдавский и румынский. Я уж не говорю, что французский язык ваших сограждан абсолютно такой же, как и французский язык граждан соседней Франции.

Следователь вспыхнул. Он хотел еще что-то добавить, но снова вмешался комиссар, решив, что пора заканчивать этот опасный спор.

– Спасибо, господин эксперт, за ваши пояснения. Мы хотим попросить вас не покидать Брюгге в течение ближайших трех дней.

– Я и не собирался никуда уезжать. Хотя конференция запланирована только на два дня.

– Мы постараемся уложиться в три дня, – сказал комиссар, – вы больше ничего не хотите мне сказать?

– Хочу, – ответил Дронго, – я уверен, что ваши эксперты по баллистике или дактилоскопии ничего не найдут. Но вам нужно приказать сотрудникам полиции проверить все железнодорожное полотно примерно за несколько километров до Гента. Возможно, там найдут выброшенное оружие.

– Почему вы так считаете? – спросил комиссар. – Очень вероятно, что убийца сбежал вместе со своим оружием, когда поезд остановили в нескольких километрах от Гента.

– Нет, – твердо возразил Дронго, – убийца бы никогда не сбежал. Иначе мы бы его запомнили. Он не стал бы так рисковать. Ведь он не мог быть уверен, что начнется паника и поезд обязательно остановят. Выстрелов никто не слышал, а убийца стрелял, стоя в коридоре. Значит, у него был пистолет с глушителем. Убийца первым делом должен был избавиться от этого оружия и выбросить его в окно. Уверен, что вы найдете оружие, если пошлете своих сотрудников.

Комиссар и следователь переглянулись. Логика рассуждений эксперта была им понятна.

– Мы так и сделаем, – заверил его комиссар, – надеюсь, что вы правы. Но в любом случае мы обязаны вычислить и найти убийцу. И поэтому мы продолжим наше расследование в Брюгге.

Он взглянул на следователя, предоставив ему возможность сделать заявление.

– Именно в Брюгге, – подтвердил следователь. – Тем более что мы установили один невероятный факт. Все восемь оставшихся пассажиров вагона первого класса, которые находились рядом с убитым, едут в Брюгге, где им заказаны номера в отеле «Кемпински». Все восемь человек, господин эксперт. И даже двое журналистов, которые к вам поднимались. Вы верите в такие совпадения?

– Верю, – неожиданно ответил Дронго, улыбнувшись. – Дело в том, что «Кемпински» – единственный пятизвездочный отель такого класса в Брюгге. И конечно, все пассажиры первого класса будут останавливаться именно в этом отеле. Даже журналисты. Хотя я думаю, что они почти наверняка сняли один номер на двоих.

Он успел заметить улыбку на лице комиссара.

– Да, – подтвердил ван Лерберг, – вы абсолютно правы. Они сняли один номер на двоих в этом отеле.

Следователь пожал плечами и отвернулся. Может, действительно этот эксперт такой всезнайка, как о нем говорят, подумал Виллем Кубергер.

Глава 5

Поезд прибыл в Брюгге с почти часовым опозданием. На небольшом вокзале не было носильщиков, и Геннадию пришлось носить все чемоданы вниз, чтобы погрузить их сразу на две тележки под неодобрительные замечания своей супруги. Дронго забрал вещи Мадлен. Еврокомиссара встречали. Двое повели его к черному представительскому «Ауди», стоявшему у здания вокзала... Две молодые женщины вышли со своими небольшими чемоданами и направились к стоянке такси. Следом за ними вышел Схюрман, которого ждала машина. Он уселся в заказанный заранее автомобиль и уехал. Дронго и Мадлен Броучек взяли такси и отправились в отель «Кемпински», благо он находился совсем недалеко. Пешком можно было дойти до отеля минут за тридцать. На машине можно было доехать за пять-шесть минут.

Отель «Кемпински» был дворцом герцога, построенным за десять лет до открытия Колумбом Америки, еще в конце пятнадцатого века и уже в двадцатом был перестроен в отель высшей категории. Расположенный всего в двухстах восьмидесяти метрах от центральной площади Брюгге, он был своеобразной достопримечательностью этого чудесного города, который удивительным образом сохранил свою самобытность и красоту. Не зря Брюгге называли северной Венецией. Каналы прорезали весь город, придавая ему особое

очарование.

Этот город упоминался еще в хрониках седьмого века. С конца одиннадцатого века Брюгге становится резиденцией графа Фландрии и соответственно главным центром самой Фландрии. Этот город был в Средние века одним из центров немецкой Ганзы, когда в нем решающую роль играли купеческие цеха немецких гостей. Именно местные ремесленники, объединенные в цеха, стали основой фландрийской армии, пехота и лучники которой смогли впервые в истории разбить рыцарскую французскую конницу в 1302 году. Уже через сто лет английские лучники будут побеждать французских рыцарей при Креси и Азенкуре, но все это произойдет потом, уже после известной победы при Куртре, которая войдет в мировую историю.

Удивительным образом Брюгге пережил за свою историю множество войн и оккупаций, включая две мировые войны. Но сохранил своеобразие, готический стиль своих старинных домов, узкие улочки, башни и церкви, словно перенесенные из глубокого Средневековья в двадцать первый век. Даже самый лучший отель в городе был создан на основе средневекового замка и тоже являлся своеобразной архитектурной достопримечательностью Брюгге.

Чтобы в него попасть, нужно было проехать по небольшому переулку, где с трудом разъезжались две машины, и въехать во двор старинного замка, переделанного в современный отель. Дронго впервые останавливался в этом отеле.

Когда он появился там вместе с Мадлен Броучек, дежурная уточнила, есть ли заказы на них, и удивленно отметила, что оба номера заказаны в разные дни и на разные фамилии.

– Разве вы не вместе? – удивилась она.

Дронго оглянулся на молодую женщину. Ему так хотелось попросить один большой номер на двоих. Но он понимал, насколько это невозможная и ненужная авантюра. И поэтому он попросил два номера, расположенных недалеко друг от друга.

– Это невозможно, – призналась дежурная, – все наши номера давно заказаны и расписаны. У нас сейчас конференция, которая начнется завтра, и встреча ювелиров. Оба мероприятия будут проходить в нашем городе, и поэтому все места в нашем отеле зарезервированы. У вас будет номер на четвертом этаже, а у госпожи Броучек на третьем.

– Я вас понимаю, – уныло согласился Дронго.

– Можете оставить вещи в холле. Их принесут к вам в номер, – пояснила дежурная.

– Спасибо. – Дронго повернулся к Мадлен. С правой стороны от портье был вход в небольшой коридор, откуда можно было подняться на лифтах на нужный этаж. Оба вошли в кабину лифта.

– Это к лучшему, – сказала Мадлен, стараясь не смотреть на своего спутника, – мы могли слишком увлечься. Я думаю, что нам не стоит переходить границы дозволенного. Достаточно и того, что мы стали друзьями. Большого, я думаю, мы

не сможем себе позволить, вы женаты, а я замужем.

– Да, – меланхолично согласился Дронго, – наверное, вы правы.

На третьем этаже она вышла из кабины лифта.

– Когда вы будете ужинать? – успел спросить Дронго.

– Только не сегодня, – возразила Мадлен, – я очень устала.

Наша поездка и это убийство просто выбили меня из нормального состояния. Извините, но это правда.

– Я вас понимаю, – кивнул он.

На четвертом этаже он вышел, направляясь к своему номеру. Повсюду висели копии картин старых фламандских мастеров. Войдя в свой номер, он устало сел в кресло. «Нужно принять душ», – подумал Дронго. И попытаться проанализировать ситуацию, чтобы понять, кто мог совершить это убийство турецкого дипломата. Теперь не оставалось никаких сомнений, что это было продуманное и спланированное убийство. В дверь постучались. Это принесли его багаж. Он дал бумажку в пять евро носильщику, закрыл дверь и направился в ванную комнату, раздеваясь на ходу. Он был уже под горячим душем, когда позвонил городской телефон в номере. Дронго протянул руку, благо телефон был и в ванной комнате.

– Слушаю вас, – сказал Дронго.

– Говорит комиссар ван Лерберг, – услышал он знакомый голос, – мы нашли оружие. Примерно там, где вы и говорили. Его выбросили, очевидно, в окно. Но на нем нет никаких

отпечатков пальцев.

– Убийца был бы полным дураком, если бы оставил там еще и свои отпечатки пальцев, – пробормотал Дронго.

– Вы правы, – согласился комиссар, – спасибо за подсказку.

– Тогда получается, что убийца был все время в поезде рядом с нами, – сказал Дронго, – и он нарочно столь хладнокровно выбросил свое оружие в окно.

– Возможно, и так, – согласился комиссар, – но нам от этого не легче. Нужно найти того, кто это сделал.

– Ищите, – согласился Дронго. Ему было холодно. Он привычно не закрыл дверь ванной, когда полез купаться.

– А нам еще поступил особый приказ, – сообщил ван Лерберг, – усилить охрану еврокомиссара господина Гиттенса. В Брюсселе считают, что именно их еврокомиссар может стать следующей мишенью террористов. Вы меня понимаете?

– Боюсь, что да. Возможно, они правы. И вам действительно следует удвоить охрану.

– И у вас до сих пор нет никаких предположений? – настаивал комиссар.

– Никаких, – отрезал Дронго. Ему было холодно. Чтобы услышать комиссара, он выключил горячую воду и теперь желал закончить этот разговор, чтобы снова встать под обжигающий душ.

– Мне звонили из Брюсселя, – сообщил ван Лерберг, – в нашем Министерстве внутренних дел считают, что именно

вы можете оказать нам необходимую помощь в расследовании убийства турецкого дипломата.

– А я и не отказываюсь, – согласился Дронго.

– Во всяком случае, я буду держать вас в курсе происходящего, – пообещал комиссар.

Уже не дожидаясь, когда ван Лерберг закончит разговор, Дронго бросил трубку и сразу включил горячую воду, пытаясь согреться. Обжигающая вода действовала на него умиротворяюще. Он не понимал людей, принимающих холодный душ, и обычно предпочитал очень горячую воду.

Невольно стал анализировать произошедшее в поезде... Министерство внутренних дел... Надо было позаботиться об охране этих двоих раньше, когда те решили приехать в Брюгге. Но интересно то, что тележка с продуктами как раз стояла между вагонами с одной стороны, а мы с Мадлен Броучек стояли с другой. Значит, убийца мог в это время находиться в пространстве между этими точками. Им мог быть любой из пассажиров, даже та полная женщина-свидетель, которая едва не потеряла сознание, когда на нее свалился из туалета труп убитого Месуда Саргына. Чтобы обеспечить себе алиби, она вполне могла устроить истерику. Или этот излишне флегматичный и спокойный врач, который оказался рядом с ней и оказывал помощь. Нет, это всего лишь предположения. Убийца не мог действовать столь спокойно и ждать внизу или в другом вагоне. Он ведь не мог знать наверняка, когда турецкий дипломат захочет спуститься вниз. И вообще

захочет ли он спуститься. Значит, убийца просто обязан был находиться рядом с ними. Странно. Как будто в той компании, что сидела на втором уровне вагона первого класса, не было никого из кандидатов на такую незавидную роль.

Еврокомиссар Гиттенс? Глупо подозревать человека, который занимает такое высокое положение в Евросоюзе и случайно оказался в поезде без охраны. Судя по словам комиссара, они теперь исправят этот недостаток. Голландский политик Яан Схюрман... Судя по его словам, он из правых политиков. Но зачем ему убивать турецкого дипломата? Какие основания? Кто тогда? Странная русская пара – Геннадий и Эльвина? Неужели они нарочно громко ругались, чтобы усыпить бдительность окружающих? Тогда напрасно они это делали на русском языке. Их скорее будут подозревать, чем остальных. Стоп. Что-то не так. Гиттенсу показалось, что они были знакомы с погибшим. И на вокзале они говорили, что должны обязательно подняться на второй уровень вагона первого класса, как будто точно знали, что именно там будет погибший. И еще тогда муж предложил супруге остаться внизу, чтобы он сам поднялся наверх. Получается, что они заранее с кем-то договорились о встрече. Неужели с погибшим? И тогда они основные подозреваемые. Странно, что Геннадий не спустился вниз, когда остановили поезд и все кричали об убийстве. Может, он не знает языков. Но он должен был понять, что происходит нечто странное. Тем более когда в вагоне не стало человека, с которым он явно был

знаком.

Кто еще? Кто остается? Две молодые женщины, которые сидели недалеко от Гиттенса и его спутника. Они говорили так тихо, что их просто невозможно было услышать. И понять, на каком языке они говорят. Но старшая из них абсолютно точно знала убитого. Она с ним поздоровалась. Тоже непонятно. Кто они? Как они оказались в этом поезде? Затем двое журналистов, поднявшихся наверх. Морзоне и его напарник. Конечно, гадкие типы, типичные папарацци... Но это еще не повод к убийству. Эти журналисты умеют убивать другим способом – своим пером. И потом Морзоне лжет. Никто его не ударял. Месуд Саргын его просто оттолкнул. Получается, что никого нет. В этом вагоне ехали еще два человека. Сам Дронго и его очаровательная спутница, которая все время была рядом с ним. Все время?

Он замер. Мадлен сообщила о втором телефоне, когда они были внизу. Если он был так важен для нее, почему она оставила его в багажной сумке и не переложила в свою сумочку, которая была с ней. А ее сумка была довольно большой. В нее вполне мог поместиться пистолет с глушителем. Тогда получается, что она – гениальный киллер, а сам Дронго – типичный болван. Она нарочно подошла к нему и заговорила, чтобы обеспечить себе абсолютное алиби. Затем предложила спуститься вниз, пройти в вагон-ресторан, после того как увидела Гиттенса и Саргына. Разыграла из себя восторженную поклонницу эксперта и, оставив его на ми-

нута, вернулась в вагон первого класса. Успела дважды выстрелить в турецкого дипломата и выбросить оружие в окно. После чего вернулась в вагон-ресторан, чтобы выпить на брудершафт с экспертом и даже поцеловать его. Все рассчитано просто блестяще. И он окажется невольным свидетелем ее алиби.

«Неужели подобное возможно? Нет», – решительно возразил сам себе Дронго. Он еще не разучился чувствовать настроение женщин. И она действительно вспомнила о случае в магазине Зингермана, произошедшем много лет назад. Такой подставы просто не бывает. Никто не мог знать, что он поедет именно этим поездом, поднимется на второй этаж вагона первого класса и окажется рядом с Мадлен Броучек. Подобное предвидеть просто невозможно. А если они заранее все просчитали? Целая организация могла быть задействована в подобном преступлении. Нет. И еще раз нет. Он достал визитную карточку Мадлен Броучек. Чтобы попасть в такую знаменитую на весь мир компанию, как «Тиффани», нужно пройти жесточайший отбор, когда тебя будут проверять очень тщательно, в том числе и по линии службы безопасности. В известных ювелирных домах нет места дилетантам или предателям. Таких отсеивают на начальном этапе. И тем более невероятно, что их представитель во Франции, молодая, красивая женщина из хорошей семьи, оказалась киллером, способным на такое тяжкое преступление.

«Не торопись», – посоветовал сам себе Дронго. Нужно все

тщательно проверить. Позвонить в парижский офис компании и уточнить, как долго там работает мадам Мадлен Броучек. Городской телефон компании есть на ее визитной карточке. Нет. Можно даже не звонить. Завтра утром будет конференция, и туда не смогут попасть случайный человек или незнакомка, не имеющие реальных полномочий и документов. Кроме того, ее наверняка знают в лицо хотя бы несколько прибывших представителей известных ювелирных домов. Значит, вариант с подменой полностью отпадает, и Мадлен Броучек именно тот человек, за которого она себя выдает. Черт возьми! Тогда единственным и реальным подозреваемым в этой компании остается один Дронго. Понятно, что именно поэтому следователь так недоверчиво к нему относится. К тому же он знает турецкий язык.

В этот момент, словно подслушав его мысли, раздался еще один телефонный звонок. Пробормотав проклятья, Дронго опять отключил воду, чтобы шум воды не мешал разговору, и поднял трубку.

– Здравствуйте, господин эксперт, – услышал он скрипучий голос следователя Кубергера.

– Добрый вечер, – пробормотал Дронго. Только его сейчас не хватало...

– Вы уже разместились? – спросил следователь.

– Конечно, – ответил Дронго. – Что случилось?

– Вам уже сообщили про найденное оружие? – уточнил Кубергер.

– Да. Комиссар мне уже все рассказал. Я так и думал. Убийца выбросил пистолет с глушителем в окно.

– Такое странное совпадение, – не без некоторой иронии заметил следователь, – вы оказались правы. Но я позвонил вам не поэтому. У нас появился еще один поразительный факт, с которым я хотел бы поделиться именно с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.